

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

М. Г. БОРОЗНА	ректор Белорусской государственной академии искусств (Минск), кандидат искусствоведения, профессор
Е. М. ГАШКОВА	старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР, профессор СПбГУП (1994–1999)
М. А. ЗАМШЕВ	главный редактор «Литературной газеты» (Москва)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
И. В. КОНДАКОВ	профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, Почетный работник общего образования РФ
В. А. КОНЕВ	профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
А. В. КОСТИНА	профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии
И. В. КУЗИН	доцент кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (Москва), академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор
И. В. ЛЕОНОВ	профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии
А. П. МАРКОВ	ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП
А. Н. МИХАЙЛЕНКО	заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор политических наук, профессор
Е. С. ПРОТАНСКАЯ	профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е. В. РАДЕВИЧ	доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук
В. С. САЙГАНОВА	декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), председатель Международного редакционного совета журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук

Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук
О. Д. ШЕМЯКИНА	научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук
Ан. В. ЯКОВЕНКО	заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. Владимира Даля, доктор социологических наук, профессор
А. И. ЯКОВЛЕВ	главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Мы начинаем работу второй секции.

Прошу пройти в президиум Елену Григорьевну Драпеко — первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по культуре. В 1990-е годы Елена Григорьевна возглавляла Комитет по культуре мэрии Санкт-Петербурга, а в 1994-м пришла работать в наш Университет, но все ее знают как всенародно любимую актрису.

Прошу занять места в президиуме выдающихся философов — Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, директора Института философии РАН, академика РАН, Почетного доктора СПбГУП, и Владислава Александровича Лекторского, главного научного сотрудника Института философии РАН, академика РАН, академика РАО.

К сожалению, сегодня с нами нет еще одного выдающегося ученого — Почетного доктора СПбГУП, академика РАН Вячеслава Семеновича Степина, который на протяжении многих лет возглавлял Институт философии РАН и ушел из жизни в 2018 году. В этом году философская общественность страны и мира отмечает 90-летие со дня его рождения.

Также прошу пройти в президиум выдающегося социолога, внесшего особый вклад в развитие отечественной социологии, — члена-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко, много лет возглавляющего журнал «Социологические исследования».

Впереди нас ожидает интересная дискуссия, но сначала небольшой экскурс в историю. Начало нашему научному форуму было положено академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым 24 мая 1993 года, в День славянской письменности и культуры, по его инициативе в СПбГУП состоялась первая конференция «Дни науки». После того как Дмитрий Сергеевич ушел из жизни, мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой увековечить память академика Лихачева. Указ был подготовлен и издан за три дня, что свидетельствует о высокой оценке и особом отношении президента России к Д. С. Лихачеву, которого он считает ярчайшим выразителем научной, культурной, духовной жизни нашей страны. В 2001 году, когда вышел этот указ, Дни науки обрели новый статус — Международных Лихачевских научных чтений.

Я, как председатель Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, хотел бы сказать несколько слов о наших традициях. Мы просим участников Чтений заранее ознакомиться с докладами сво-

их коллег, которые опубликованы на сайте, а здесь высказывать свои соображения, реагировать на доклады участников, выступивших на пленарном заседании и панельной дискуссии.

В зале присутствует много замечательных людей, с которыми мы знакомы довольно продолжительное время, чему я очень рад. Назову некоторых из них: ректор Белорусской государственной академии искусств М. Г. Борозна, главный редактор «Литературной газеты» М. А. Замшев, заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, Почетный профессор СПбГУП Г. А. Праздников и многие другие. То есть сегодня здесь представлен цвет отечественного философского сообщества. А на последних рядах — молодая поросль, которой предстоит заниматься гуманитарной наукой в будущем.

Желаю успешной работы!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Наша секция «Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное» по своему названию продолжает общую тему XXII Лихачевских чтений «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций» и является ее конкретизацией.

Лихачевские чтения обозначают новый этап в работе форума, следуя за кардинальными изменениями, которые происходят в стране и в мире. Раньше мы осмысливали Чтения как международный гуманитарный форум, форум культуры, понимая, что гуманизм и культура — вещи неразрывные: культура и есть бытие гуманизма. При большом разнообразии тем в целом Лихачевские чтения отвечали на два вопроса. Первый: как изменяется современный мир, рассмотренный в перспективе культуры, и какое влияние он оказывает на культуру? Второй вопрос: какова роль культуры в становлении и развитии мира? В этом направлении мы и работали, отсюда — совокупность понятий «диалог культур», «толерантность», «взаимопонимание».

Сейчас мы находимся на новом этапе, когда выяснилось, в каком направлении развивается мир. Оказалось, что он многополярный, не только в том смысле, что существует много разных стран и народов, что было очевидно, но и в смысле многообразия цивилизаций и культур, и в этом аспекте он создает проблемы.

Отвечая на второй вопрос: как культура влияет на развитие мира, следует сказать, что здесь мы тоже ока-

зались в новой ситуации. Теперь актуален вопрос не только о диалоге, но и о конфликте. Что это означает и как соединить одно с другим?

В нашей секции в соответствии с ее названием «Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное» соединяются и спорят два аспекта — всеобщее и особенное. Что касается особенного, то нас интересуют разные формы современного бытия, но прежде всего в российском варианте: российский подход как особенный взгляд на ценности нового многополярного мира, как он сочетается со всеобщим и несет в себе всеобщее и т. д.

Судя по списку предварительных тем выступлений участников нашей секции, все так или иначе сосредоточены на основной проблеме, точки интеллектуального теоретического напряжения, и продолжают размышления, озвученные на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии. Важны не только формулировки и утверждения, но и настроение, направления, в рамках которых мы размышляем.

Слово предоставляется первому заместителю председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Елене Григорьевне Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — На последней встрече в Государственной Думе, когда Правительство РФ представляло свой ежегодный отчет, я позволила себе критику философской науки в целом и институтов в частности. Сегодня нужны практические рекомендации, чтобы реализовывать то, что поручил президент России. Чтобы прописать традиционные ценности в наших нормативных документах и кодексах, прежде нужно дать им определение, которого на сегодняшний день не существует. Это первоочередная задача. Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева предложил свой вариант, и пока я больше ничего не видела.

Вторая задача касается иерархии ценностей.

Третья задача, которая перед нами стоит, — необходимо вести исследования по сравнительной аксиологии. В рамках БРИКС и ШОС мы столкнулись с неожиданной проблемой: мы с большим трудом ведем переговоры с нашими китайскими, индийскими коллегами и представителями других стран. Недавно в Дели мы обсуждали вопрос о том, почему российские бизнесмены не могут договориться с индийскими. Потому что у индийцев другая система ценностей и иная оценка поведения человека. Наши бизнесмены кажутся им несерьезными людьми, с которыми не стоит иметь дело. Исследований по сравнительной аксиологии у нас, к сожалению, нет, а они нам нужны уже сегодня.

В своем докладе я (вместе со своим соавтором А. А. Ковалевым) обратилась с предложением к правительству рассмотреть вопрос о гуманитарном сотрудничестве с этими странами. Сегодня в БРИКС, ШОС и других организациях гуманитарной составляющей уделяется недостаточно внимания. В частности, археологи на протяжении многих лет наблюдали за тем, как страны, входящие в ШОС, не могли договориться о со-

хранении древностей, и предложили Российской Федерации выйти с инициативой о принятии конвенции о защите древностей, так как все страны обладают древними артефактами.

Мы считаем, что у всех стран есть общий интерес, вокруг которого мы можем сосредоточить свои усилия по защите своих национальных ценностей. Но чтобы вести переговоры, необходимо понимать, с кем мы говорим и как они понимают ценности. Например, отношения Китая и Индии далеки от идеальных, поэтому переговоры между ними невозможны. Как в таком случае вести переговоры? Ответы на эти вопросы мы ждем от науки. Необходимо подвести научную базу под то, над чем мы работаем каждый день на уровне политики.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Когда мы говорим о ценностях, то должны употреблять понятные всем слова и выражения. В массовом сознании такие понятия, как солидарность и сотрудничество, звучат прекрасно, но что они означают? В социологии наряду с ценностями должны быть представлены ценностные ориентации. Например, против таких ценностей, как семья, здоровье, карьера, благополучие, которые понятны всем, никто не возражает. Но молодежь выбирает карьеру, образование, семью, в отличие от старшего поколения, для представителей которого важны здоровье и благополучие. То есть ценностные ориентации могут существенно отличаться в разных возрастных группах.

Мы не можем говорить вообще о ценностях, а должны ориентироваться на возрастные, профессиональные, национальные особенности. Обращаю ваше внимание, что ценности и ценностные ориентации — это одновременно общее и особенное, позволяющее нам перейти от теории к практике.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Разговор о ценностях очень важен в современном мире. Сегодня все сводится к пониманию ценностей и смыслов, так как идет борьба смыслов, ведется информационная война. Сейчас распространено мнение, что, поскольку разные культуры создают разные системы ценностей, вести диалог невозможно, потому что невыполним точный перевод. Например, то, что говорят китайцы, нельзя просто перевести на английский язык.

Рассуждая о диалоге или конфронтации культур, хочу сказать, что и то и другое возможно в общем пространстве. Поэтому необходимо искать общее пространство, учитывая все сложности в понимании иных ценностей.

В Институте философии на протяжении многих лет детально изучаются философия и культура арабо-мусульманского мира, китайская и индийская философия. Мы выстроили взаимодействие с китайцами, индийцами, проводим общие конференции. Данную работу нужно продолжать, потому что сегодня это проблематика номер один.

Другой важный вопрос — ценности. Отдельные ценности могут быть хороши сами по себе, но иногда они вступают в противоречие друг с другом. И каж-

дый раз, когда приходится делать выбор, его нужно прорабатывать с точки зрения философии и практики. Многополярный мир не исключает того, что он существует в едином целом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Что касается критики из Госдумы, которую озвучила Елена Григорьевна, хочу сказать следующее. Вполне закономерно ожидать помощи от философов в решении проблем в практическом плане. Но нужно реально смотреть на то, что делают философы. Владислав Александрович сказал: мы можем предложить, но что-то останется вне поля зрения людей, которые принимают решения, определяют ценности и т. д.

Основной мегапроект сегодня — проект цивилизационного развития. Что представляет собой российская цивилизация и что она предлагает миру — эти вопросы интересуют философов в рамках своего предмета и своей ответственности.

В данном случае реплики, которые звучали с трибуны Думы, были вызваны группой критиков Института философии и философов и нацелены не на то, чтобы осмыслить эти процессы, а на то, чтобы внести диссонанс, подлить масло в огонь, что чревато пожаром.

Поэтому сегодня я призываю всех выступающих в максимальной степени соединять теоретические размышления (философские, культурологические и пр.) с практическими. Президент России и Государственная Дума принимают законы, которые определяют нашу жизнь, и они должны быть конкретными, чтобы не стать источником злоупотреблений. Поэтому и необходимы размышления, спокойный разговор.

Слово предоставляется профессору Российского государственного гуманитарного университета Игорю Вадимовичу Кондакову.

И. В. КОНДАКОВ: — БРИКС — яркий пример союза глобалитетов, потому что входящие в него культуры претендуют на глобальное место в мировой культуре. Понятие глобалитетов довольно давно ввел в культурологию я, подразумевая под ним способность культуры занять такое место в мировой культуре, какое влияние она оказывает. Например, такие культуры, как российская, американская, общеевропейская, китайская, японская, обладают глобалитетом.

Начало размышлениям о глобальном назначении разных культур положили исследования, проведенные на рубеже XX–XXI веков под руководством П. Бергена и С. Хантингтона. Они показали, что глобализация многолика и в разных регионах мира не совпадает. Это положение дало основание сделать вывод, что условия многополярного мира совсем иные, чем условия биполярного или монополярного мира.

Сегодня в защиту БРИКС и его значения в мировом пространстве высказывалось довольно много суждений. Я хотел бы обратить внимание на яркое выступление директора Института Африки РАН Ирины Олеговны Абрамовой на пленарном заседании, которое являет собой пример того, как можно

говорить о всемирном значении БРИКС. Это объединение воплощает феномен всемирного большинства, потому что никто не может конкурировать с такими странами, как Индия и Китай, по численности населения.

Но возникают проблемы, связанные с развитием культуры и образования. В частности, Ирина Олеговна сказала о том, что сегодня развитие образования в мире, в том числе в сравнительно отсталых странах, представляет проблему и должно иметь свою культурную специфику.

Создание таких хрупких организаций, как БРИКС (хрупких в том смысле, что это объединение включает пять стран с огромной численностью населения), на самом деле представляет собой проблемное единство. Проблема заключается в том, что эти страны не имеют ничего общего ни в лингвистическом, ни в конфессиональном плане. Напомню, что в Бразилии распространен католицизм, в Китае — буддизм, в Индии — индуизм, в России — в основном православие и ислам. Что касается Южно-Африканской Республики, то ее конфессиональную специфику представить сложно, потому что она являет собой конгломерат разных языческих религий, экзотических верований, которые трудно соединить в одно целое.

Все пять стран, входящих в БРИКС, опираются на традиционные ценности, но у каждой страны они разные. Россия сейчас начинает говорить о значении традиционных ценностей с особым акцентом. То, что объединяет эти страны в экономическое, политическое и культурное единство, и даже обращение к традиционным ценностям, не решает языковых и конфессиональных проблем. Важно понять, что является общим смыслом для такого рода союза глобалитетов.

Примеры других союзов глобалитетов всем известны — это Евросоюз, Шанхайская организация сотрудничества, Латиноамериканская ассоциация интеграции, где несколько государств играют роль ведущих глобальных лидеров. Объединяет страны БРИКС не их специфика, а общий культурный потенциал, который достигнут на современном уровне мирового развития. Цифровая культура, компьютерные технологии — все то, что не отделяет страны БРИКС от коллективного Запада. Речь идет о поиске глобальных ценностей, которые не противопоставляют БРИКС остальным странам, а объединяют эту организацию с тенденциями мирового развития.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Игорь Вадимович, Вы затронули острый вопрос: что делать с наукой? Она единая в странах, например входящих в БРИКС, хотя они различаются цивилизационно, культурно, конфессионально, по языку. Что может стать основой для объединения, как соединить несоединимое? Ведь БРИКС — это проект развития всего человечества, единый путь, а внутри страны, входящие в эту организацию, несоединимы. Елена Григорьевна затронула эту проблему, рассказав о встрече индийских бизнесменов и российских, на которой люди говорят, но не понимают друг друга.

Слово предоставляется профессору Московского гуманитарного университета Анне Владимировне Костиной.

А. В. КОСТИНА: — Тема нашей секции, посвященной многополярному миру, напрямую связана с идеей о том, что ценности и культура являются фактором национальной безопасности и выстраивания многополярного мира. Последние десятилетия XX века ознаменовались началом глубокого глобального кризиса. В условиях краха Советского Союза США начали выстраивать однополярный мир. Однако, как говорили многие выступающие, доминирование США сегодня ослабевает, глобализация утрачивает свою инерцию.

Что свидетельствует о закате эпохи однополярного мира?

Первое — США лишаются статуса экономического центра силы. Американский цикл накопления капитала сменяется азиатским.

Второе — резко падает политический статус США и Евросоюза, стремящихся сохранить доминирование евро-атлантической цивилизации. Усиливаются противоречия между западным блоком и странами во главе с Россией и Китаем. В Стратегии национальной безопасности США 2022 года в качестве противоборствующей силы называются именно Китай и Россия как страны, стремящиеся «сформировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам». То есть сфера культуры и ценностей становятся аргументом в выстраивании такого мира.

Третье — резко падает культурный статус США, а такие ценности, как приверженность рыночной экономике, либерализм, демократия, ориентация на прибыль и индивидуализм, свобода меньшинств и ЛГБТ¹, которые в Стратегии национальной безопасности США 2015 года определялись как общечеловеческие, большинством стран в качестве всеобщих не признаются.

Четвертое — восстанавливается политический потенциал национального государства, замена которого государственной корпорацией была провозглашена в самом начале глобализации. Страны возобновляют производства и увеличивают технологические мощности на своей территории, а процессы, направленные на реализацию стратегии технологического острова и национализацию этих стандартов, идут сегодня во всех странах, в том числе в России.

Монополярный мир в том виде, в каком он установился после 1990-х годов, не соответствует интересам большинства стран.

Что можно сказать о биполярной системе? Сегодня вторым государством в мире выступает Китай. Прогнозируется, что уже к 2036 году он займет лидирующие позиции с ВВП в 55 трлн долларов. Вопрос: как будут влиять ценности двух стран — США и Китая — на остальной мир? Ведь ценности Советского Союза и США разделялись большинством стран — страна-

ми Организации Варшавского договора и НАТО соответственно. Ценности США не обладают универсальностью и весьма специфичны. Ценности Китая тоже обладают спецификой и связаны с конфуцианскими принципами. Эта ценностная система, несмотря на ее привлекательность, все-таки остается исключительно китайским феноменом, который не может быть перенесен на другую почву. То же самое можно сказать обо всех без исключения культурах, особенно тех, чье формирование связано с цивилизационной спецификой (индийская, арабо-мусульманская, африканская культуры). Принципы чужие демонстрирует Северная Корея, концепцию Панчасилы — Индонезия, идеологию Рукун Нега — Малайзия.

Елена Григорьевна на пленарном заседании сказала о том, что у каждого народа есть свой эпос, который отражает его ценности. Следовательно, все народы специфичны в своих ценностных системах. Сегодня ценностные миры являются одним из факторов национальной безопасности, потому что они обладают метафизической сущностью. Защищая свой метафизический мир, фактически мы защищаем свою землю, свой народ и свой образ будущего. Значит, многообразие ставит вопрос о том, возможно ли взаимодействие и понимание между странами и народами, диалог между ними. И здесь я полностью поддерживаю мнение Владислава Александровича, который сказал о том, что диалог необходим и возможен. Диалог в большей степени соответствует многополярная система.

Одной из осей формирующегося многополярного мира выступает Россия. Данная позиция впервые получила развернутое обоснование на Мюнхенской конференции в 2007 году. И сегодня все страны, в том числе входящие в БРИКС, рассматриваются как укрепляющие многополярность. Эта тема стала лейтмотивом в целом ряде документов стратегического планирования России. О продолжении формирования более справедливого многополярного мира говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года.

Сегодня иногда можно услышать мнение, что традиционные ценности могут стать препятствием для технологического развития России и рывка в будущее. Это не так. Традиционность ценностей означает их укорененность. Россия как цивилизация, стремящаяся построить инновационную и высокотехнологичную экономику и в то же время опирающаяся на традиционные ценности, — такой образ в полной мере соответствует стратегиям, на которые опираются многие современные цивилизации: китайская, индийская, арабо-мусульманская и др.

В итоге можно резюмировать, что именно различие ценностей определяет цивилизационную специфику стран, составляя их стержень, духовную опору. Ценности в качестве метафизической сущности обладают абсолютным значением, от них зависит смысл жизни всех жителей страны, и их защита выступает в качестве национального приоритета. Именно система ценностей, выраженных во всеобщем и особенном, лежит

¹ «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

в основе многополярного мира, который способствует развитию всех стран и укреплению справедливого миропорядка.

Представляется, что если общие интересы стран и народов возобладают над частными, что сегодня демонстрирует Россия, защищая всеобщие ценности, многополярный мир будет сформирован, в нем будут найдены общие интересы и площадки для диалога. И через одно поколение такой прекрасный мир будет построен.

— Вы сказали, что между Россией, Китаем и западным миром возникают противоречия. Но как тогда можно объяснить, что товарооборот между Китаем и США, Китаем и Евросоюзом в десятки раз превышает объемы торговли КНР с Россией? Сегодня ряд китайских банков перестал принимать платежи в юанях из России, потому что они опасаются вторичных санкций. *(вопрос из зала)*

А. В. КОСТИНА: — Этот вопрос все-таки имеет частное содержание. Когда я говорила о противоречиях между двумя мирами, то ссылаюсь на Стратегию национальной безопасности США, где сказано, что последние годы в качестве противоборствующих США сил выступают Россия и Китай «как страны, которые стремятся сформировать мир, противоречащий американским ценностям и интересам». Мы стремимся к диалогу, сотрудничеству, потому что это отвечает нашим интересам. Таков прагматичный подход.

Мир, в котором мы все должны сосуществовать, слишком хрупок. И если каждый будет отстаивать свои ценности, ничего не получится. Абсолютно согласна с мнением, что диалог возможен только на одном уровне. Если мы будем разговаривать на разных уровнях, то друг друга просто не услышим. То есть нам нужна единая площадка для диалога. Россия стремится к созданию такой площадки, что проявляется в политике, выступлениях лидеров и принимаемых документах.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется ректору Белорусской государственной академии искусств Михаилу Григорьевичу Борозне.

М. Г. БОРОЗНА: — В Академии искусств, которую я представляю, функционирует старейшая научная искусствоведческая школа.

Искусство ставит больше вопросов, чем дает ответов. Для создания произведения художнику, режиссеру, оператору, сценаристу и др., кроме света, звука и других технических элементов, нужна мотивация: великое произведение рождается, когда есть великая идея и энергия.

Генеральная прокуратура в 2021 году возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Казалось бы, зачем озвучивать этот факт в рамках Лихачевских чтений, посвященных БРИКС? Великая Отечественная война для стран, входящих в БРИКС, — важная общая ценность.

В последние годы в области монументального искусства было создано немало произведений, большинство из них, как, например, Ржевский мемориал Советскому солдату в России, — руками молодых художников, архитекторов, скульпторов и дизайнеров, которые активно включились в процесс. В 1944 году в деревушке Тонез, расположенной на юге Гомельской области, на православное Рождество в деревянной церкви было сожжено все мирное население, включая 200 детей. Студенты нашей академии участвовали в восстановлении этой церкви.

Мне интересно современное искусство, но последние десятилетия огромное постсоветское пространство ориентировалось в основном на западные художественные тенденции, где закамуфлированное право на протест было правом на уничтожение.

Вчера в Мариинском театре мы наблюдали прекрасное классическое академическое искусство. Его потенциал сегодня ничуть не уменьшился. Картина В. Серова «Девочка с персиками» все так же актуальна для воспитания человека. Но, кроме монументального искусства, необходимы новые горизонты. И государство должно предлагать мотивации с целью поддержки и развития образования, в том числе творческого, для того чтобы эти вещи были активны в нашем сознании.

Я рассматриваю БРИКС как ось возможностей для реализации. В художественных вузах наших стран — России и Беларуси — конкурс среди абитуриентов не уменьшился. Это говорит о том, что потенциал растет, и ему нужен позитивный выход — все это вселяет надежду.

Я смотрю на молодежь в частности и на творческое сообщество в целом с огромной надеждой и уверенностью, что нам многое по плечу. Главное — мы должны понимать, что право на мирную созидательную жизнь без духовного содержания невозможно. Только в этом случае будет результат.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Как ориентация на традиционные ценности сочетается с лозунгом, что будущее принадлежит молодежи, которая должна привносить новые веяния в искусство, науку и т. д.?

М. Г. БОРОЗНА: — Наверное, базовые темы не исчезнут (любовь, рождение человека и пр.) и останутся для искусства главными, новое скорее проявится в форме. Вместе с тем сохраняется интерес к познанию мастерства и традиций эпохи Возрождения и Античности. Не все стремятся заниматься современным перформансом, инсталляцией, звуковым ландшафтом и пр.

Классическое искусство и его потенциал не угасают. Вопрос касается именно идей и мотиваций, которыми будет руководствоваться молодежь при создании созидательной платформы, мира для себя и своих семей. Когда-то они тоже произнесут фразу, что вся надежда на молодежь. Но это не значит, что молодежь исключительная и ей нужно давать больше привилегий, чем она этого заслуживает.

У России и Беларуси общая культура, всех нас объединяет стремление к лучшей жизни.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В поиске общих формул следует сказать, что наш приоритет — традиции и молодежь, за которой будущее. Эти формулы взаимосвязаны, и одно переходит в другое. Как остаться верным традиции и в то же время не закрыть дорогу в будущее?

Слово предоставляется заведующему кафедрой международной безопасности внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности РАНХиГС Александру Николаевичу Михайленко.

А. Н. МИХАЙЛЕНКО: — Тема многополярного мира очень актуальна, и надеюсь на то, что наши обсуждения помогут найти политикам более эффективные методы развития БРИКС.

Предлагаю рассмотреть духовно-нравственные ценности предыдущего мирового порядка и формирующегося ныне.

Если говорить о предыдущем мировом порядке, то возьмем для примера Европейский союз. Украина пытается вступить в ЕС и даже подписала соглашение об ассоциации. Сейчас речь идет о том, чтобы предоставить ей статус кандидата в члены ЕС. Что для этого нужно сделать? В Соглашении об ассоциации между Украиной и Евросоюзом указано, что они должны разделять европейские ценности.

Что делает Украина для того, чтобы разделять европейские ценности? В прошлом году в Верховной раде Украины были рассмотрены следующие законопроекты и приняты законы: первый — о легализации однополых браков, второй — о правах ЛГБТ-сообщества, третий — о легализации легких наркотиков, четвертый — о частичной декриминализации порнографии. Для славянских народов в целом и украинского народа в частности все это является традиционными ценностями? Нет. Но для того, чтобы вступить в Европейский союз, необходимо им соответствовать.

Теперь посмотрим, что происходит в БРИКС. В документах последнего саммита БРИКС используются такие ключевые слова, как взаимоуважение, суверенное равенство, защита культурного наследия, сохранение национальной самобытности, культурно-цивилизационного разнообразия. Недавно министр иностранных дел России С. В. Лавров в рамках председательства России в объединении БРИКС на встрече с послами стран-участниц в Москве рассказал о принципах БРИКС. Они основываются на наших традиционных ценностях: равноправный диалог, уважение выбора каждой страной собственного пути развития, учет интересов друг друга, нацеленность на коллективный поиск решения проблем.

В названии нашей секции упоминается сочетание «общее и особенное», к которому я добавил бы слово «уникальное». Самобытность представляет собой объединение трех аспектов: общего, особенного и уникального.

Что делается в России с этой точки зрения? Принят целый ряд документов стратегического планирования, в которых в большей или меньшей степени отражены вопросы духовно-нравственных ценностей. Первый документ — Основы государственной политики РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей — был принят в ноябре 2022 года. В этом документе перечисляются 17 традиционных ценностей. Вчера Елена Григорьевна сказала, что в Государственной Думе ведется работа по их приоритизации. Список ценностей и их приоритетность у различных стран БРИКС будут разные. Но работа в этом направлении должна вестись.

Другой документ стратегического планирования — Концепция внешней политики Российской Федерации, принятая в 2023 году. В ней сказано, что Россия — это самобытное государство-цивилизация. Но в БРИКС есть и другие самобытные цивилизации. Как в таком случае выстраивать отношения между странами — членами БРИКС, а также за пределами этой организации? Существует несколько способов.

Первый — необходимо пропагандировать многополярный мир на разных международных форумах более активно, четко объяснять нашу лидерскую в этом плане позицию. Многополярный мир не возникнет сам по себе, его надо создавать вместе на основе духовно-нравственных ценностей.

Второй — страны БРИКС должны лучше понимать друг друга. По роду своей деятельности я рассматриваю диссертации по политологии и могу сказать, что довольно редко встречаются ссылки на китайских, индийских и африканских исследователей. В основном ссылаются на американских и европейских ученых. Необходимо акцентировать поворот на Восток, в том числе и в теории. Мы стараемся совершить такой поворот в науке — это общее направление в наших руках.

Третий — механизмы БРИКС должны быть более гибкими, чтобы соблюсти баланс и учесть различные интересы. Необходимы здравые идеи, как сотрудничество стран может дать импульс развитию БРИКС.

Четвертый — эффективная система выявления и своевременного разрешения противоречий. Здесь у нас есть определенные достижения. Считаю международным прорывом переговоры с Саудовской Аравией и Ираном, посредником в которых выступил Китай. КНР, Саудовская Аравия, Иран — все эти страны входят в БРИКС. Этот опыт можно было бы распространить в целом на разрешение противоречий. Каким образом это делать? Здесь важны вопросы методологии.

Подводя итог, хотел бы сказать, что в основе формирования нового мирового порядка лежат духовно-нравственные ценности. Важно обсуждать и разрабатывать научные подходы к разрешению проблем, а затем внедрять научные идеи в политическую практику.

Отвечая на вопрос о том, почему сегодня возникают проблемы между китайскими и российскими биз-

несменами, хочу сказать следующее. В 2023 году объем торговли между Китаем и Россией составил 240 млрд долларов, а между Китаем и ЕС — около 1 трлн долларов, Китаем и США — более 700 млрд долларов. Один миллиард долларов — это 10 тыс. рабочих мест. Конечно, можно было бы сейчас сказать: «Мы с Китаем больше не торгуем». Но это чревато проблемами. С кем мы будем вести торговлю и чем торговать? Кроме того, миллионы людей будут выброшены на улицу. Китай занял прагматичную позицию и реализует политику «двойной циркуляции» — модель, сочетающую силы внутренней экономики Китая и международного экономического взаимодействия. Необходимо развивать собственное производство, меньше зависеть от Запада, но это не произойдет мгновенно. Китай понимает, что существуют проблемы с Тайванем, что есть полицентричный мир и т. д., поэтому необходим период трансформаций, в том числе касающихся структуры внешнеэкономических связей Китая.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется доценту Белорусского государственного университета Екатерине Владимировне Радевич.

Е. В. РАДЕВИЧ: — Хотела бы начать выступление с цитаты моего учителя, уважаемого философа Анатолия Изотова Зеленкова, который сказал, что метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистичную картину реальности нашей эпохи.

Действительно сегодня наиболее дискуссионным остается вопрос о дальнейшей судьбе не только человека, но и мира в целом. Нарастающая нестабильность, ситуация перманентного кризиса позволяют говорить о том, что мир стоит на пороге глобальных трансформаций, последствия которых затронут не одно поколение людей.

В чем сегодня заключается глобальная неопределенность? С одной стороны, изменился как глобализационный тренд, так и его оценки по сравнению с оценками периода межвременья — конца 1980-х — 1990-х годов. В экономической и политико-институциональной сферах глобализационный тренд демонстрировал некое единство, конвергенцию мирового сообщества.

Немного с опозданием в этот процесс включилась культура. И здесь проявились совершенно иные тенденции. Если в торгово-финансовой и политико-институциональной сфере мы видим процессы единения: объединяются страны, торговые и финансовые потоки, то в сфере культуры все намного сложнее. Здесь это привело к замещению традиционных, устоявшихся культуротворческих форм эпатажными формами культуры, недолговечными, не содержащими глубинных смыслов. Все это, к сожалению, может привести к тому, что культура в крайнем варианте вообще может исчезнуть, если мы говорим о культуре локальных цивилизаций, стран переходного периода, которые иногда назывались транзитивными.

Сегодня тенденции свидетельствуют, что глобализация на данном этапе изменила свой тренд и демонстрирует скорее тенденцию к дивергенции. Это проявляется в процессах, свидетелями которых мы сегодня являемся, в частности в усиливающихся сепаратистских, фундаменталистских движениях, военных конфликтах в Сирии, на Украине, в Израиле, Брексите в Великобритании (пример невоенного распада целостности Евросоюза). Эти процессы в мире сегодня усиливаются благодаря вызовам, с которыми сталкивается человеческая цивилизация: мировой финансово-экономический кризис, эколого-климатические проблемы, которые обостряются параллельно с интенсивным технологическим развитием человечества, гуманитарный, ресурсно-сырьевой, энергетический кризисы, усиление практик терроризма. Вызовы современной цивилизации обостряются именно в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только форсирует, но и порождает многие из кризисных ситуаций.

Тема моего доклада — диалог культур, который мы обсуждаем сегодня в контексте БРИКС. В настоящее время ведется не диалог, а полилог культурных традиций, и БРИКС становится той площадкой, на которой страны-участницы могут заявить о себе. Несмотря на то что БРИКС изначально создавался как экономическое, политическое объединение, сегодня эта организация становится культурным образованием. Это предполагает опору на традиции как важнейший механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта, без которого культура может исчезнуть, поскольку традиция — это ядро любой культуры. Именно БРИКС, с моей точки зрения, позволяет реализовать локальный сценарий развития, когда каждая из стран-участниц может заявить о себе, воплести свое уникальное содержание (на уровне ценностей, традиций) в общемировую канву.

Поэтому мы говорим не о единстве многообразия, тотальной унификации, которая изначально предполагалась в контексте глобализации и проявлялась в культурном империализме и американизации, а о единстве многообразия, то есть не об унификации мирового культурного уровня, а именно о полилоге культурных традиций. С моей точки зрения, БРИКС является именно такой площадкой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается профессор СПбГУП Александр Петрович Марков.

А. П. МАРКОВ: — Можно согласиться с критикой, которая звучала на пленарном заседании и в ходе панельной дискуссии. Предметом критики была в основном западная цивилизация. Этап постмодерна стал предсмертной судорогой Запада, который по совокупности деяний утратил моральную легитимность. Но я хотел бы указать еще на один симптом этого кризиса, который не был озвучен.

Многие гуманитарии, в том числе отечественные, фиксировали обреченность антропоса. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что происходит на

Украине и Ближнем Востоке. То есть наблюдается исчерпанность ключевых ресурсов и институтов культуры, которые удерживали человека от немотивированной агрессии.

Выход из этой ситуации сформулирован в названии Лихачевских чтений — это БРИКС. Я не могу не согласиться с К. Ф. Затулиным, который сказал, что мы никогда не жили в многополярном мире, и напомнил о времени, когда, вероятно, многополярность имела место. Серьезный аргумент критики в этой дискуссии — упоминание Запада и Юга без Севера. А где же Россия?

Если обобщить не только выступления участников, но и доклады, которые опубликованы на сайте СПбГУП, по поводу перспектив БРИКС, то в основном предсказывается пессимистический сценарий.

Между странами БРИКС — метафизическая бездна. Коллега О. Рокпло из Франции сказал, что ресурсом консолидации может стать многотысячелетняя история. На мой взгляд, она не может выступить таким ресурсом — нет ничего общего в компании, включающей трех столетних стариков и четырех подростков. Они разные, поэтому между ними невозможно взаимопонимание.

Кроме того, между странами БРИКС — технологическая и языковая бездна. Дело не только в количестве национальных языков. Так, в своем докладе Н. К. Гарбовский описал попытку создания Сетевого университета БРИКС, из которой ничего не получилось. В ключевых государствах — Китае и Индии — используются английский, китайский языки и английский, хинди соответственно. Но это противоречит духу БРИКС — необходимо вытеснить английский язык в том числе из транслирующих языков. Они собираются доделать этот проект к очередному саммиту БРИКС, который состоится в октябре 2024 года, осуществив синхронный перевод на национальные языки за счет искусственного интеллекта и исключив образовательные программы на английском языке.

Я согласен с коллегами, которые говорили о том, что между странами БРИКС не только технологическая, языковая, но и цивилизационная бездна. Елена Григорьевна высказала мысль, что необходимо найти нечто объединяющее, консолидирующее наши страны. Мне кажется, в структуре БРИКС этого нет, по крайней мере, в докладах нет намеков на поиск консолидирующих оснований.

Методологическим основанием для консолидации является евразийский проект, потому что ключевая структура в системе БРИКС — это Евразия, включающая Китай, Индию, Россию. Еще сто лет назад евразийцы обозначили духовные основания консолидации в структуре малой и большой Евразии. Проект большой Евразии, на мой взгляд, может стать альтернативой англосаксонскому доминированию и набирающей обороты транснациональной теократии (ваххабизм, мировая исламская умма и т. д.).

Обозначу основные ценности, консолидирующие евразийское пространство.

Первый ресурс — для культуры народов Евразии характерна социальная доминанта, исключая антропоцентризм Запада. В группу приоритетных ценностей входят милосердие, нестяжательство, социальная справедливость, которая фиксирует соответствие деяния и воздаяния.

Второй ресурс консолидации и культурной идентичности — неприятие этими культурами рыночной стихии, особенно в неолиберальной версии, которая все превращает в объект купли-продажи.

Консолидирующую миссию, как это ни парадоксально, несмотря на не очень впечатляющий уровень нашего технологического и экономического развития, страны Евразии признают за Россией. То есть право духовного лидерства, по сути, Россия выстрадала своей историей. Во-первых, у нашей страны сохранился геополитический потенциал, который превосходит потенциалы других стран. Во-вторых, России принадлежит статус духовного центра Евразийского континента.

Назову ключевые ресурсы солидарности и ментальной совместимости народов евразийского пространства.

Первый ресурс — идея всечеловеческого единства, которая была выстрадана российскими философами. В частности, гуманитарная мысль всегда исповедовала идею общности, в том числе концепт цивилизации, который отличается от концепта цивилизации, позволившего Западу превратить весь остальной мир в сообщество неполноценных народов. Братство народов выражается в том, что нет деления на высшие и низшие расы, что взаимное притяжение здесь сильнее, чем отталкивание, что здесь легко просыпается воля к общему делу.

Второй ресурс — имперская идентичность, имперский дух, который надэтнически консолидировал множество этнических групп. Истоком имперской идентичности была национальная идея, которая изначально носила всемирный характер. Русские философы, начиная с В. С. Соловьева и заканчивая В. М. Межуевым, А. П. Назаретяном, подчеркивали общечеловеческий характер русской идеи.

Третий ресурс — ментальные особенности, которые выступают основой солидарности: отзывчивость, всечеловечность, резонанс с радостью и болью этого мира. Именно эти качества определили понимание справедливости, которая должна торжествовать не только в нашем доме, но и в большом мире.

Сегодня в составляющие русской идеи входит и этика коллективного спасения (по В. М. Межуеву), которая гласит, что страна не спасется, если не спасутся все народы России.

Евразийский проект может оживить и привнести позитивную энергию в БРИКС, потому что без нее это просто геополитическая структура. Его в условиях глобальных проблем можно считать конструктивной альтернативой. Реализация этого проекта предполагает максимальное доверие и волю народов, а также духовную мобилизацию морально вменяемой интеллектуальной элиты. Это наша задача, потому что в судьбо-

носные времена функцию спасения всегда выполняла национальная элита.

И последнее — отвечая на вопрос Александра Сергеевича, каким будет ближайшее будущее и что спасет мир, заданный в ходе панельной дискуссии, были предложены разные версии. Я ответил бы цитатой из Ф. М. Достоевского, которую он вложил в уста Ипполита. Он сказал, что мир спасет красота. Идеи — это красота духовная, душевная. Персонифицированным выражением этой формулы стали докладчицы Елена Григорьевна и Мария Владимировна.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному редактору «Литературной газеты» Максиму Адольфовичу.

М. А. ЗАМШЕВ: — С февраля 2022 года Россия была втянута в тяжелейшее противостояние. Это одна из тактик наших врагов — вынудить нас к такого рода деятельности.

Меня, как человека, работающего в «Литературной газете», находящегося под санкциями всех стран ЕС, Украины и Швейцарии за поддержку специальной военной операции, как члена Президентского совета, трудно заподозрить в излишней любви к Западу. Но мне кажется, что в плане эстетического противостояния и многих подчас истерических заявлений, которые мы сейчас слышим, мы можем допустить трагическую ошибку. Со времен Петра I Россия развивалась как западноевропейская цивилизация. В этом не было никакого подражания или идолопоклонства, потому что часто во многих вещах мы опережали Запад. Россия достигла огромных успехов в XVIII–XX веках именно в сфере культуры. И еще непонятно, кто на кого влиял, — очень часто мы намного сильнее влияли на культурный прогресс. При этом, обладая огромной территорией и многоязычием, — ведь у нас есть татарская, башкирская и другая прекрасная литература, мы могли на эту основу нанизывать другие элементы, обогащая ее. Например, Фазиль Искандер любим во всем мире, но у него есть определенный, совершенно не европейский колорит, который делает его произведения еще выразительнее.

Сейчас, возвращаясь к теме нашего разговора, посмотрим на БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Китай. Кто в этой четверке Запад? Несомненно, мы и отчасти Бразилия, потому что бразильская культура тоже развивалась не по китайским и индийским канонам. Мы оказались в довольно выгодном положении, потому что сам Запад за последнее время, как мне кажется, на практике отказался от всех тех ценностей, которые декларировались им как ценности прогресса, уйдя в тоталитаризм и политику запретов. Мировая энтропия идет с Запада, в силу того, что мы, как говорится, долго запрягаем; но в какой-то момент, особенно после советской власти, идя по пути прогресса, мы не заметили, что те, кто шел рядом, стали нас тянуть назад, отказываясь от идей, в основе которых всегда был человек. Именно в России была важна ценность человека, но это шло от западной прогрессивной, гу-

манистической мысли, от которой Запад сейчас отказался. Но нам в этой борьбе с Западом нельзя от этого отказываться. Мы должны стать в БРИКС представителями своего культурного кода, который не был бы поворотом на Восток. Сейчас нам не надо бросать все и опять куда-то идти — мы должны вести за собой мир.

Проблема наших отношений с Европой не в том, что там процветает русофобия. Она процветает только в элитах, и по одной простой причине. Вчера один болгарский политик, бывший посол Болгарии в России, долгое время работающий в ЕС и член партии ГЕРБ, не самой пророссийской в Болгарии, сказал мне: «Все наши политики воруют. Их поставили американцы, и американцы об этом знают. Поэтому как бы они ни хотели сделать шаги в сторону России, выгодные для их стран, они этого сделать не могут». Но народ-то не ворует. Народ смотрит на Россию как на свободную страну, где сохраняются политические дискуссии, где сосуществуют разные философские модели, где конкурируют западная, более европейская, и, условно говоря, антизападная, славянофильская мысль, и одна не отменяет другую. В 1990-е годы мы допустили колоссальный просчет, когда пришедший к власти относительно либеральный мейнстрим буквально выкорчевал все, что было против него, — русское, национальное. И сейчас, находясь в такой жесткой ситуации, «мы не должны быть как они», как написал в нашей газете Константин Затулин. Какие бы эмоции нас ни обуревали, как бы нам ни хотелось что-то ужесточить, кого-то наказать, давайте следовать в рамках своих традиционных ценностей, в основе которых — человек. И наказывать нужно тех, кто нарушает законы, а не тех, кто имеет отличное от нашего мнение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Хочу предоставить слово профессору Андрею Вячеславовичу Яковенко.

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — После моего недавнего выступления на социологической конференции в РГГУ коллега из Киргизии поинтересовался, сохраняется ли в Донбассе культура межнационального мира и согласия. И я заверил его, что пока мое поколение существует, она сохраняется. Потом он рассказал, что его сын сейчас воюет на Донбассе. Мы иногда забываем, что целому ряду людей из тех стран, которые навязывают нам представление, что они уже не наши, дорога память о Советском Союзе, небезразлична Россия, и они поддерживают Донбасс. По большому счету те, кто поддерживает Донбасс, поддерживают сегодня будущее России.

Понятно, что наш зал незримо разделен поколенчески. Здесь есть люди, которые родились уже в XXI веке, третьем тысячелетии, и есть те, для которых Советский Союз — их родина, и другой у них не будет. Когда я в больших аудиториях называю имя Александры Пахмутовой, первые ряды улыбаются с трогательной любовью, а на задних рядах тех, кто реагирует на это имя, почти не будет. Это не их

вина, это их беда и, скорее, наша вина. Зато на задних рядах всем знакома Билли Айлиш — певичка, известная в их среде, мне студенты дали послушать. Я хочу знать, на каком языке мне с ними разговаривать, чтобы быть понятым.

Новые технологии уже создают новые уклады, новую среду и во многом формируют и наше с вами понимание того, каким будет будущее. Может быть, нельзя соединить людей зрелых и очень молодых. Но если мы уйдем, то молодые останутся на том пространстве, которое будет принадлежать только им, если мы не заложим в этой технологической реальности свое пространство.

Еще одна зарисовка по поводу культуры. Любимая песня нашего президента — это песня, написанная луганчанином Михаилом Матусовским, «С чего начинается Родина». Там есть строки «Той песни, что пела нам мать». А я, как социолог, задумался, поют ли сегодня мамы песни своим детям, а если поют, то какие? И оказалось, традиционный ответ — песни детям поют умные колонки, и может быть, это даже лучше, чем те песни, которые являются репертуаром современных мам. Если мы говорим о культуре и о всеобщих ценностях, то нам нужно насыщать культурными ценностями те новые технологические составляющие, которые сегодня ближе нашим студентам. Мы сегодня должны думать о тех ценностях, которые формируют детей от пяти лет. И здесь есть место для БРИКС, потому что, когда мы говорим — традиционные ценности, то это семья, здоровье. А в чем смысл семьи и здоровья? Если вложить в понятие здоровья эгоистический смысл, это будет один общественный эффект, если смысл социального процветания — другой. Если семья — замкнутая в себе единица, то это одно, если семья развивается, счастлива и делает счастливыми окружающих — это другое.

И последний тезис. Почему мы так боимся современных технологий? Потому что они показывают, насколько мы не готовы применять в традиционной парадигме возможности, которые они нам предоставляют. Мы сегодня пребываем в ситуации, когда свободное пространство для культуры все больше расширяется. Я был удивлен, что Иосиф Виссарионович Сталин перед войной пытался ввести в Советском Союзе семичасовой рабочий день, чтобы трудящиеся могли творчески развиваться и т. д. Но война не позволила этому проекту осуществиться. Я сегодня представляю тот регион, который уже 10 лет живет в условиях полувойны-полумира, полудоговоренностей-полунедоговоренностей. Какая формируется культура на этом пространстве, я думаю, сегодня никто не знает.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Ваша тема называется «Новейшие технологии как потенциал качественной реализации традиционных ценностей». Скажите, сами новые технологии и формы связи, которые они создают между людьми, несут с собой какие-то ценности?

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — Я думаю, сами нет, они не столько несут ценности, сколько создают площад-

ку для их формирования. Это как чистый лист — на нем можно написать прекрасное произведение, а можно пасквиль.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Вы говорите, что традиционные ценности влияют на детей через песню, которую поет мама, фильмы, которые им показывают. А обратное движение? Как могут дети оказывать влияние на родителей, приучать их к новому миру, в котором живут? Это же двусторонний процесс.

Ан. В. ЯКОВЕНКО: — Конечно, двусторонний. Мы не должны забывать, что сегодня сознание детей формируется компьютерными играми и теми же самыми мультфильмами, и развитие «Маши и Медведя», который, кстати, в БРИКС получил большую популярность, требует новых форм. То есть подтвердилась возможность сохранения традиционализма и одновременно использования новых технологических укладов. И дети тоже смотрят на нас, и если мы фальшивим, то и они не будут с нами устанавливать контакт или он тоже будет фальшивым.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А теперь выступит наша гостья из Беларуси Вероника Святославовна Сайганова.

В. С. САЙГАНОВА: — Я представляю факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, единственный центр по подготовке профессиональных философов Республики Беларусь.

Вчера на пленарном заседании в рамках панельной дискуссии много раз звучали тезисы о гуманизации международной деятельности, гуманитаризации образования и необходимости философского осмысления, поиска основ диалога культур. В современной гуманитаристике уже сложились традиции идеологического понимания культуры. Достаточно вспомнить Мартина Бубера, Михаила Бахтина и Владимира Библера. Хотелось бы обратить внимание на проблему формирования субъекта межкультурного диалога. Мы с вами понимаем, что диалог осуществляют не сами культуры, а их носители. Кто же является носителями культуры? У этих субъектов есть определенная мировоззренческая, аксиологическая нагрузка, интерпретационный герменевтический бэкграунд, и мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили, о 2 тыс. языков в Африке, и как понять, на каком языке какую ценность мы будем интерпретировать? Поэтому вопрос о том, кто является или что является субъектом межкультурного диалога, приобретает особую актуальность.

Главенствующую роль в формировании субъекта межкультурного диалога выполняют социально-гуманитарное знание и философия. Я отстаиваю тезис, что именно в философии — социум знаний, которые являются универсальными носителями мировоззрения и ценностей как таковых. Почему философия способна породить субъект межкультурного диалога? Потому что в природе самой философии с момента ее зарождения присутствует диалог как таковой. А сам акт фило-

софской рефлексии — это не просто интеллектуальное, а скорее уникальное со-бытие в культуре. Сама история философии — это и есть непрерывный диалог событий в культуре, самих культур, идей, эпох и даже цивилизаций. Что было общего у цивилизаций Индии, Китая, Древней Греции более 2,5 тыс. лет назад? Общим у них был уже состоявшийся диалог на базе единого основания — это рациональное, критическое мышление. Таким образом, сами философские идеи становятся участниками диалога, носителями диалога культур, субъектами диалога в последующем. Хочу обратить внимание на то, что сам процесс изучения философии — это всегда тоже диалогическая активность того, кто познает, с философским текстом. Здесь на первом плане оказывается вопрос интерпретации герменевтики, понимание проблемы перевода разных языков с контекстом. Тогда мы выходим на разные культуры, цивилизационные уровни с различными мировоззренческими и аксиологическими матрицами культуры. И когда мы говорим об изучении философии, встает тема социально-гуманитарного образования. Отвечая на вопрос, что является в рамках нашей секции ценностью нового многополярного мира, я бы сказала: социально-гуманитарное образование. А на вопрос, что является общим пространством для возможности диалога культур для общего понимания, я бы ответила: философия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Татьяна Борисовна Сиднева.

Т. Б. СИДНЕВА: — На пленарном заседании академик Валерий Александрович Черешнев напомнил нам известную цитату Дмитрия Ивановича Менделеева: «Вне светоча науки, даже имея нефть и газ, мы рискуем оказаться в потемках». Я бы продолжила: без искусства мы в этих потемках можем потерять человека. Это вопрос серьезный, многоаспектный и вплетенный во все социальные процессы. Остановлюсь только на одном понятии, которое связано с искусством, — художественное переживание. Сегодня оно кажется немодным и оказалось на периферии научного знания об искусстве. Кажется, что оно имеет оттенок сентиментальности, субъективности, излишней эмоциональности. Забывают о том, что переживание корнем своим имеет слово «жизнь». В 2003 году Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов издал книгу Юрия Матвеевича Шора «Культура как переживание». В этом труде, давая в заглавии определение культуры, Юрий Матвеевич подчеркивает, что вопрос не частный. Это живое, непосредственное, интуитивное, чувственное отношение к миру, соприкосновение с миром, личностный отклик в душе. Это и есть ядро культурного кода — так определяет Шор. В этой связи художественное переживание оказывается в центре ядра культурного кода.

В процессе нового открытия Востока продуктивным является именно изучение типов художественного переживания. Не секрет, что в среде других контактов один из самых продуктивных — это контакт

России и Китая. Напомню, что 2024–2025 годы объявлены перекрестными годами России и Китая, уже составлена программа фестивалей, конкурсов, выставок, различных образовательных проектов. То есть контакт двух традиций, двух культур приобретает массовый характер. И мы обнаруживаем, что у России и Китая есть общие символы. Один из них — «А зори здесь тихие». Повесть Бориса Васильева для китайцев является родным текстом, они знают фильм Станислава Ростоцкого 1972 года, оперу Кирилла Молчанова, написанную в 1996 году. И более того, в 2015 году их композитор, живой классик, Тан Цзяньпин, написал по повести оперу, поставленную и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Такого рода акции являются доказательством того, что мы имеем глубокое родство художественного переживания. Однако это еще не гарантирует продуктивность взаимодействия культур. Интенсивность диалога зависит не только от родства переживания. Диалогу предшествует, как сказал Юрий Михайлович Лотман в книге «Внутри мыслящих миров», диалогическая ситуация. Она включает в себя два важных момента: во-первых, взаимную заинтересованность друг другом, и во-вторых — способность, как пишет Лотман, преодолеть семиотические барьеры, например способность понять другой язык. На недавнем Фестивале патриотической музыки в Чунцине — временной столице Китая в период Японо-китайской войны 1937–1945 годов — меня попросили рассказать о музыке периода Великой Отечественной войны. Когда я демонстрировала на презентации песни Великой Отечественной войны — «Катюша», «Священная война», «День Победы» и так далее, китайцы подпевали хором. Мы знаем, что китайские поэты сочиняют свои тексты на наши мелодии традиционных песен, они любят и знают эти песни. Я хотела бы закончить определением культуры Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова: культура — это человеческая форма жизни. И вот в этой форме жизни художественное переживание имеет фундаментальное значение, потому что соединяет опыт и рефлекссию, практику и теорию.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А сейчас я хочу пригласить старшего преподавателя Института философии СПбГУ Елену Михайловну Гашкову с темой «Война и мир на культурно-идеологическом фронте».

Е. М. ГАШКОВА: — Я уже говорила о смене парадигмы глобализации, о переходе к многополярности. Понятно, что мы ходим по кругу, оперируем одними и теми же понятиями, но о системе ценностей мы говорим уже лет 40, со времен В. П. Тугаринова и М. С. Кагана. И, конечно, смысл в конкуренции систем ценностей, чтобы мы могли предъявить миру что-то, затрагивающее каждого. Я знаю, что для восточного человека пример — это всегда герой, человек, который в нормальных обстоятельствах обычный, а в экстремальных преодолевает себя. Поэтому простые девушки в исполнении в том числе Елены Григорьевны Драпеко, стали для Китая национальными героинями. И такие

примеры необходимы любому обществу. Замечу, что наша попытка объединить полюсы некорректна, потому что в каждом полюсе есть абсолютно разные коннотации. Допустим, мы говорим Запад, включая туда Японию. Вспомните, как японцы вели себя после аварии на «Фукусиме-1» — никто не мародерствовал, все брали по две бутылки воды очень организованно, потому что в системе ценностей японца жизнь не является высшей ценностью. Здесь я обращаюсь к основам этики, когда любая нравственная система выстраивается от базового принципа. В основе западной системы лежит идея свободы. Поэтому нашей Думе надо разобраться, что для нас является более важным — свобода или жизнь. Потому что, если мы считаем, что свобода — это наибольшая ценность, то высшей мерой наказания будет лишение свободы. Соответственно это прописано в законодательстве. Если мы считаем, что самая важная ценность — это жизнь, то в законах будет прописана смертная казнь, и отсюда выстраиваются иерархия наказаний, ответственности и т. д. Но большая проблема в том, что в последнее время нашим государством правят юристы, а очень многие вещи решаются на моральном уровне. И поэтому воспитание, работа с подрастающим поколением, знакомство его с нашей системой ценностей — это важнейшая работа. Для этого надо идти в народ и разговаривать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному редактору журнала «Век глобализации» профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Есть очень хорошее выражение, что часто мы ищем не там, где потеряли, а там, где светло. Мир, в котором мы живем сегодня, совсем другой, чем даже десятки лет тому назад, а мы только начинаем понимать, что живем в глобальном мире. 71-й год передела человечества, и, как гром среди ясного неба, всем вдруг открылось, что мы живем на такой планете, где все в одной лодке, в мировом космическом океане на корабле под названием Земля и т. д. Надо отдать должное нашей науке и прежде всего академику Ивану Тимофеевичу Фролову, которому здесь многие обязаны, а также Никите Николаевичу Моисееву, Вадиму Валентиновичу Загладину и другим академикам, которые под его руководством поднимали глобальные проблемы. Они поставили эти проблемы на такую высоту тогда, когда мы должны были бы сказать: в капиталистическом мире это проблемы, а у нас их нет. Они как раз эту позицию сумели разрушить. Хочу подчеркнуть, что отечественная глобалистика сделала в этом отношении колоссальные шаги. Но слово «глобализация», которое сегодня затмило глобальные проблемы, возникло только в 1990-е годы. Его просто не было, как и глобалистики. О глобальных проблемах забыли, как только появилась глобализация, а теперь забываем уже и о глобализации. Мир, в котором мы живем, за 100 лет принципиально изменился.

Таких организаций, как БРИКС, сегодня очень много. Если мы сосредоточимся только на БРИКС, то из темы нашего заседания «Ценности нового многополяр-

ного мира, всеобщее и особенное», «всеобщее» выпадает, БРИКС — это особенное. А сколько таких организаций мы найдем еще?

Глобальный контекст очень важен, потому что такие понятия, которые мы употребляем, не уделяя им достаточного внимания, затушевывают дело. Мы говорим — цивилизация, а понятие цивилизации не проявили в должной мере — российская или другая? Мы говорим о мировом правительстве, о деглобализации, а это термины, которые часто обретают свое противоположное значение без должного обоснования.

И в заключение я хотел бы сказать о философии. Здесь немало говорили о человеке, и это правильно. Но если мы от глобального переходим к решению конкретных вопросов, посмотрим на имена, которые мы должным образом не интерпретируем и даже не вспоминаем. Карл Маркс начинает говорить о человеке человеческими глобальными категориями, а приходит к сущности человека, совокупности общественных отношений. Владимир Иванович Вернадский, представитель естествознания, который в конечном счете приходит к человеку, говорит о ноосфере, где человек будет главным, и т. д. Следующий — Аурелио Печчеи, основатель Римского клуба, проделавший огромную работу для осмысления глобального мира, а его книга «Человеческие качества» — лучшая книга XX века, которая должна стать настольной у каждого. Иван Тимофеевич Фролов — ученый, который стоит у истоков отечественной глобалистики, создавший Институт человека. Где теперь этот Институт человека? В Институте философии в виде одного Григория Борисовича Юдина, продолжившего эту работу. И где теперь Никита Николаевич Моисеев, который обратился к социальной проблематике? Я говорю об этом потому, что тема гражданского общества, которая остается за кадром, здесь ключевая. Сенека говорил: человек гонит от себя философию, когда ему хорошо, и обращается к ней, когда ему плохо. Наш участник, Андрей Петрович Бинев, выдвинул в своих тезисах великолепную мысль, что первыми открытие делают философы, а физики-математики подтверждают или опровергают их. Так вот, философия лежит в основе осознания проблем человека, и мы к человеку должным образом еще не повернулись. Когда такие баталии разворачиваются вокруг философии, это затрагивает не только Институт философии, но и все философское сообщество. Во все века вы не найдете университетов, где бы ни было философии. Проблема человека, гражданского общества и философии во главе угла.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас выступит главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки Яков Георгиевич Шемякин.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Центр наших продолжающихся споров — отношения России и Запада. Я согласен с тем, что мы в основе своей — европейская культура, то есть западное начало стало неотъемлемой составной частью нашего социально-генетического кода.

Но дело в том, что к европейскому началу Россия как цивилизация все-таки не сводится. Н. А. Бердяев так определял Россию: Восток-Запад. Некая общность, которая появилась из взаимодействия двух огромных миров. И в ходе этого взаимодействия возникло нечто особенное, не Восток и не Запад, а особая цивилизация, в которой есть черты и Запада, и Востока. В связи с этим я хочу обратить особое внимание на то, что те, кто отменяют русскую культуру, добиваются от нас того, чтобы на их монолог в отношении России, потому что никакого диалога там нет, мы ответили своим монологом. А столкновение двух монологов — это тупик. Мы обязаны противостоять этой ситуации и продолжать диалог по европейской традиции, все основы которой фактически отвергнуты современным Западом.

Теперь по поводу БРИКС. Не могу на этом не остановиться. Почему он, собственно, еще существует? Был выдвинут тезис о том, что между человеческими мирами, между цивилизациями, которые в него входят, огромная разница. Вообще не может быть и речи о диалоге между тысячелетними старцами и молодыми цивилизациями, как, например, российская. Когда БРИКС только-только был создан, на Западе говорили: «Противоречия настолько глубокие, что эта организация обязательно развалится». Ну через год-два, а может быть, через пять, но ее разорвут противоречия. А она существует. Почему? Что объединяет членов БРИКС?

Всех членов БРИКС объединяет убеждение в том, что центр принятия стратегических решений должен находиться внутри соответствующих стран, а не в каких-то западных интернациональных центрах. Из этого следует ориентация на полицентрическое мироустройство. Потому что если центров принятия решений несколько, то неизбежен диалог. И в данном случае значение БРИКС в том, что оно создает пространство межкультурного диалога. Да, цивилизации совершенно разные. Но кто сказал, что диалог между ними невозможен? Из объединяющего их общего стремления возникает еще одна важная вещь — переосмысление самого понятия глобализации. Глобализация имеет объективное содержание. Это усиление, интенсификация контактов между разными составляющими человеческого мира. И сейчас налицо эта интенсификация — то, что Фердинанд де Соссюр называл усилением силы общения. Глобализация, начавшаяся с формирования мирового капиталистического рынка, имела определенное цивилизационное содержание. В результате этот процесс оседлала одна цивилизация, и до самого последнего времени глобализация воспринималась как распространение западных институтов и ценностей по всему миру. Ситуация в какой-то мере меняется только сейчас.

С переосмыслением глобализации связано и совершенно разное отношение к теме модернизации. Всех членов БРИКС объединяет убеждение в том, что не может идти речь о подлинной модернизации, если не найдена формула синтеза собственных традиций и универсальных ценностей модернизации: свобода выбора и рациональность. На мой взгляд, членов БРИКС

объединяет еще и общий тип рациональности, который создает возможность диалога, взаимодействия двух основных способов духовно-практического освоения человеком мира — веры и радио. Этот тип рациональности и дает такую возможность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Научный сотрудник МГУ Ольга Дмитриевна Шемякина. Пожалуйста, Ольга Дмитриевна.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Найти какие-то формулы, которые можно использовать в реальной работе и при взаимодействии разных человеческих миров, позволит только преодоление дисциплинарных барьеров, когда будут сняты барьеры философские, антропологические, психологические и исторические. И тогда мы сможем основанные на изучении документов факты, которые часто дезориентируют, погрузить в структуры большой длительности. Это, например, структуры, связанные с управлением. Изучать их вне истории, политологии, философии, системы ценностных ориентаций невозможно. А формируются они в течение огромного исторического периода. Это структуры инерционные, они реализуются в разном объеме в отдельные периоды в национальной истории по-разному, но они не кратны никакому царствованию или президентству. Это воспроизводящийся культурный код, потому что в этих структурах управления найдены способы преодоления кризиса. И в этом контексте, если говорить о ценностях, мне кажется очень важным изучение русской консервативной традиции. Она вступила в мир новой эпохи с претензиями на архаические формы и в производстве, и в политике. Но консерватизм отчасти спасителен, потому что именно консервативная традиция не отделяет производителя от средств производства, и именно она позволила огромному количеству народов Сибири заниматься своим делом с привычным для них жизненным укладом, не разрушая его, и когда эти народы становились подданными и за ними признавалось право на пользование землей.

Это одна из конкретных проблем, связанных с тем, как в консервативной традиции снижался уровень конфликтности. Существуют нормативные акты, например военно-народное управление, которое вводилось на территориях, присоединенных к России, скажем, в Туркестане. Невозможно было управлять этими территориями, не опираясь на традиционные институты, и мы пытались понять традиционные институты управления с позиции наших волостных миров. Дебаты, которые велись в русском обществе, были ориентированы на то, чтобы определить, какая степень свободы и локализации возможна при центральном управлении. И тут обнаруживаем параллели с Францией, где было то же самое: в Алжире была схожая военно-народная модель управления, но опиралась она на ту общину, которая во Франции давно не существовала.

И наконец, о ценностях, которые формировались очень активно, — отношение к чужому. Наша цивили-

лизация сложилась до появления трансконтинентальных торговых путей. И она создала взаимодействие со Скандинавией, Византией и Великой степью, несущими традиции древних цивилизаций. А для Византии мы были варварами, и, если бы не восстание Варды Фоки, неизвестно, когда бы мы были христианизированы. С самого начала русская философская традиция была ориентирована на поиск оправдания равенства народов. Это древняя традиция, идущая от «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и продолжающая жить в русской гуманистической традиции.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется главному научному сотруднику Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Александру Ивановичу Яковлеву.

А. И. ЯКОВЛЕВ: — Я хотел бы вернуться к проблеме ценностей и привести примеры того, как происходит эволюция системы традиционных и современных ценностей на примере Саудовской Аравии, которой я занимаюсь в Институте востоковедения. У меня был случай, когда я пришел в гости к саудовскому аспиранту, который тогда жил в Москве. Хозяин вышел по делам, и занимать меня, гостя, пришел его семилетний сын. Я спросил его: «Вы с папой путешествовали по всему миру, были в Европе — Париж, Лондон, были в Америке. Какой твой любимый город?» Он искренне ответил: «Мой любимый город — Мекка». Воспитание детей — это то, что в них вложено с самого начала, а потом так или иначе размывается.

Саудовская Аравия тесно связана с Соединенными Штатами нефтяными и финансовыми узами в течение почти 100 лет. И в ходе догоняющей модернизации, которую претерпела Саудовская Аравия (как, впрочем, и Россия), ей многое в своем развитии пришлось заимствовать. Саудовцы использовали западную модель современного индустриального буржуазного общества. Общество — единый организм, включающий в себя не только информационное социально-экономическое измерение, но и культурно-духовное цивилизационное. Любопытно, что история поставила своего рода лабораторный эксперимент. Модернизация произошла примерно за 50 лет, и Саудовская Аравия внешне неузнаваемо изменилась. Вся новейшая техника там присутствует абсолютно во всех смыслах: техника и технологии. Что касается влияния культуры, то весь административный аппарат и большая часть верхушки свободно говорят по-английски. Высшие чиновники — выпускники американских университетов. По телевидению постоянно транслируют два американских канала: один — мультипликационный, второй — с видовыми фильмами о географии, животных и т. д. Казалось бы, идет американизация. Нет, это внешнее впечатление — американизации не происходит. Более того, налицо сопротивление даже вестернизации, то есть насаждению духовного содержания западной модели, базирующейся на ценностях проекта просвещения, которые в Саудовской Аравии не принимают.

Как они поступают? Прежде всего очень многое, если не все, зависит от политики власти: решающую роль в культурной жизни играет государство. Если нет, то культура куда-то исчезает. Это видно на политике двух очень видных деятелей. Покойный король Фейсал в 1962 году опубликовал свою программу стратегических изменений развития Саудовской Аравии. Первыми пунктами в этой программе были экономическое развитие, преодоление отсталости и бедности, развитие промышленности и т. д. В 2016 году вышла программа нынешнего наследника престола эмира Мухаммеда ибн Салмана «Видение 2030». Первый пункт этой программы — уважение к традициям, развитие ислама, а только потом идет речь об экономике. То есть в социально-экономическом плане модернизация завершена, и это вовсе не означает полного и безоговорочного принятия западной модели. И сейчас проявляются проблемы, связанные с конфликтом культур, но здесь конфликт цивилизационный, потому что западная цивилизация подошла к своему концу и отрицанию. Круг замкнулся. То, что сейчас происходит на Западе, — это отрицание системы высоких гуманистических ценностей эпохи Просвещения. Но в ходе модернизации в Саудовской Аравии духовная сфера не была затронута. Напротив, по мере того как туда проникали западные и американские ценности, культура, радио, мода, возникало стремление к их отторжению ввиду чужеродности, что породило экстремальные явления — ИГИЛ¹ и пр. Подпитка всего этого идет из Саудовской Аравии. И отсюда стремление к балансу. Я думаю, что существуют три возможности взаимоотношений традиционного и современного: синтез, симбиоз и отторжение. Саудовцы не принимают понятие отторжения современного. У них не получается синтез, как в Японии: синтез традиционного и современного дает новый продукт. Они пошли путем симбиоза — сочетания разнородных и отчасти взаимно конфликтующих начал, которые присутствуют в жизни общества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас выступит доцент Института философии СПбГУ Иван Владиленович Кузин с темой «Произведение человека».

И. В. КУЗИН: — Я хотел бы начать с хрестоматийного сократического положения о том, что знания обеспечивает добродетельность. В эпоху Нового времени у Рене Декарта это получило следующую формулировку: «Достаточно правильно судить, чтобы правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, то есть чтобы приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага». Однако на закате указанной эпохи у Иммануила Канта при раскрытии содержания категорического императива мы находим ряд изречений, которые позволяют усомниться в этой древней детерминации, начиная со времен Сократа. У Канта одно из таких изречений гласит, что нравственность сначала раскрывает нам понятие свободы, и, стало быть, практический разум ставит спекулятивному неразре-

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

шимую проблему, связанную с этим понятием, чтобы тем самым привести его в величайшее замешательство. У Канта это не единственное положение, заставляющее предположить, что мы имеем дело с неким проявлением своего нравственного существования, которое становится основой для последующего приписывания такому нравственному состоянию рациональной природы, через апелляцию к которой мы можем оценивать степень этичности совершаемых человеком поступков. То есть ситуация обратна той, которую я привел, ссылаясь сначала на Сократа, потом на Декарта. При этом разворачивание того рефлексивного механизма, который мы обнаруживаем в кантовской моральной философии, позволяет нам заключить, что максима категорического императива как камертонный принцип определения нравственности поступка дает возможность оценить кантовскую этику именно в рациональном ключе. Мы как бы снова возвращаемся к той ситуации, с которой я начал, цитируя Сократа, а точнее, Декарта. И тогда здесь появляется некоторая проблема. Она связана с тем, что если исходить из того, что обоснование нравственного поступка включено в рациональную формулировку категорического императива, то, сталкиваясь с теми суждениями, которые следуют из этого императива, мы получаем абсолютную бескомпромиссность в осуждении действий, противоречащих морали.

Эта проблема требует какого-то разрешения. Я полагаю, что ее решает идея прощения, которую необходимо ввести как некоторый нравственный принцип, дополняющий моральную философию Канта. Исходя из формулировки категорического императива, прощение является неким абсолютно иррациональным принципом, и он здесь неуместен. Но Канту можно возразить, что прощению необходимо место как нравственному принципу, чтобы так или иначе снять эту дилемму и снизить пафос этой крайне интересной полемики. Можно сделать вывод, что в экзистенции прощения человек усмиряется в своих амбициях на неподсудность, якобы проистекающую из его права судить мир с опорой на всемогущество рассудка. А когда такие амбиции будут отброшены, морально предосудительный поступок не будет оправдан, но человек, его совершивший, может быть прощен.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сейчас я предоставляю слово профессору Ивану Владимировичу Леонову.

И. В. ЛЕОНОВ: — Лейтмотив многих сегодняшних выступлений — обязанность науки дать ясные, точные ответы на сложные и актуальные вопросы. Мы сейчас часто говорим о российском мировоззрении, и необходимо определить, что же это такое. Не уходя в метафоры, не делая из этого что-то сложное и интуитивно понятное, мы должны четко и ясно это концептуализировать. Что входит в мировоззрение, какие сферы? Что мы туда включаем? Способна ли наука раскрыть все аспекты мироздания? Насколько полезны другие практики: обыденное сознание и практики познания — религиозная, мифологическая, мистическая,

художественная? Все эти практики по-своему объясняют мир. И в современном мировоззрении они образуют некую сетевую 3D-структуру, где взаимодействуют между собой, иногда даже противоречат друг другу, молча уживаются или занимают те ниши, которые другие практики не занимают. Например, мы не можем полностью объяснить мир без религиозного сознания. В чем-то сильна наука, в чем-то религия, в чем-то мифология. В этом смысле мировоззренческая проблематика — уникальная отрасль науки, которая объединяет все практики сознания и позволяет их сопоставлять, а не противопоставлять друг другу. И восприятие С. Рериха, П. Фейерабинта, моего любимого философа Г. Гачева, О. Шпенглера предстает совсем в другом плане — не надо сталкивать лбами разные формы мироздания. На протяжении истории нашей культуры многие практики сменяли друг друга, дополняли, надстраивались и взаимодействовали в нашем сознании. Поэтому наша картина мира — это не только научный, но и многие другие способы отражения мира в культуре. Соответственно определение роли этих практик, параметров мировоззрения и другие аспекты являются очень интересной исследовательской областью, которую мы предложили назвать «гештальт-культурология» и даже собираемся выдвинуть проект написания энциклопедии картин мира в этом ключе.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — профессор Владимир Александрович Конев.

В. А. КОНЕВ: — Западная европейская культура исчерпала себя, но при этом освободила целый ряд культур, которые европейская цивилизация когда-то покорила: Китай, ислам. Все культуры, входящие в БРИК, резко отличаются друг от друга. И возникает вопрос — каким образом будет формироваться единое цивилизационное пространство? Потому что Китай, древнейшая цивилизация, не будет принята в Европе, Индия — на Ближнем Востоке. Ближний Восток и ислам тоже не будут распространены. А без единого цивилизационного пространства нельзя существовать.

Мы говорили, что есть различные культурные ценности, коды и т. д. Но кроме культурных ценностей существует еще более глубокий уровень культуры. Это логика культуры. Та, о которой сейчас говорит академик Андрей Вадимович Смирнов. Он считает, что мы можем понимать содержание ценностей, но за содержанием лежит принцип их соединения, который не рефлексивируется. Кто-то из выступающих говорил, что рациональность в культуре господствует. Но одной рациональности во всех культурах нет. И Смирнов прекрасно показал, что существуют по крайней мере две логики. Логика, которая строится по принципу «S есть P» — это субстанциональная логика, и логика, которая строится по принципу «S порождает P», а не присоединяет его. Он называл это процессуальной логикой и показывал, что на этом основана мусульманская традиция и т. д. Кроме этих логик, существуют другие логические принципы, и именно они не позволяют индусам и китайцам понять друг друга. Это пласт, который дол-

жен быть открыт философами, потому что никто другой логикой не занимается. А если мы откроем эти пласты, тогда можно будет на основе понимания строить диалог культур, что позволяет объединить друг с другом какие-то ценности. И последнее. Как мне кажется, в русской культуре присутствуют по крайней мере эти две логики, о которых говорит Смирнов. А борьба и неприятие, как в толстовстве, строятся на другой логике. Это не логика «S есть P». Это логика антисубстанциональная. Так что будущее за Россией.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово академику Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Почему сейчас так остро стоит проблема ценностей? В сегодняшней ситуации технологического развития не обойтись без современных технологий и науки. И в арабском мире все это используется, но одновременно эти страны сохраняют свои традиционные ценности. Так, казалось бы, и надо жить. Но я хочу сказать, что это не получится по одной причине: современное технологическое развитие — это не просто одно, а ценности — другое. Это вызов ценностям. Примерно год назад я выступал в этом Университете перед студентами с лекцией о глобальной цивилизации как антропологическом вызове. Это вызов для всех культур.

Есть разные культуры с разными ценностями. Одни ценности для нас приемлемы, другие — нет. Между прочим, в некоторых культурах есть традиционные ценности каннибализма, и вряд ли мы их примем. А есть фундаментальные ценности, общие для всех культур. Например, если человек что-то делает, он отвечает за свои поступки. А чтобы отвечать за свои поступки, нужно иметь свободу выбора. Если вы делали что-то под внешним принуждением или были без сознания, под гипнозом, вы за это не отвечаете. А когда сознательно — должны отвечать, потому что была свобода выбора. Значит, это фундаментальные ценности. Какие бы ни были культуры — развитые или неразвитые — все равно. И есть другие ценности, без которых нет человека. Это традиционные ценности. Они могут быть двух типов. Традиционные ценности, являющиеся фундаментальными для всех культур, кстати, они сформулированы. И ценности специфические, присущие отдельным культурным традициям.

Современная глобальная цифровизация и технология искусственного интеллекта — это вызов всем фундаментальным ценностям, самому человеку, его бытию. Потому что, когда за вас решение будет принимать искусственный интеллект, зачем нужен человек, любой человек? Встает вопрос: быть или не быть человечеству, независимо от существования разных культур. Это очень важно для понимания того контекста, в котором мы это обсуждаем.

А теперь о западной и русской культуре вообще, и о других культурах, входящих в БРИКС, в частности. Человеку, чтобы остаться человеком и не быть закабаленным искусственным интеллектом, а такая опасность очень реальна, необходимо культивировать эти

традиционные ценности, общую культуру. Это первое. Но нужно ли развиваться и нужны ли новые ценности? Сохранение того, что есть, — это важно, но следует двигаться дальше, чтобы как-то жить в этом новом мире, быть не рабом его, а хозяином. И тогда, с моей точки зрения, возникает новая ситуация: оказывается, что в ценностях незападных культур есть такие, которые могут быть сегодня вполне уместными. Не только в арабо-мусульманской культуре есть иное понимание мира, есть просто понимание мира, которое не характерно для западной культуры и философии. Могу привести такой пример. Я много лет являюсь председателем Научного совета Академии наук по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований. Сейчас в когнитивных исследованиях одна из проблем — что такое сознание. Мы изучили мозг, но не ответили на этот вопрос. И сейчас среди ученых разных стран, и западных тоже, возник интерес к тому, как сознание понималось в индийской традиции. Между прочим, далай-лама регулярно собирает конференцию ученых со всего мира, изучающих мозг, искусственный интеллект, управление сознанием. В китайской культуре есть свои интересные вещи. Я думаю, что в этой области будет происходить ассимиляция.

До сих пор Россия развивалась во взаимодействии с Западной Европой. Без этого диалога, наверное, русская культура не возникла бы в таком виде. Но сейчас появилась возможность осваивать и другие способы понимания мира. И не просто возможность, а необходимость, потому что это позволяет сохранить человека и поднять его на более высокий уровень. Это фундаментальные проблемы, проблемы человечества. И поэтому для меня российские традиционные ценности, о которых мы говорим, не просто наши ценности, а те, которые дают перспективы для развития и сохранения всех людей на планете.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово для выступления предоставляется первому заместителю председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре Елене Григорьевне Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Вы, ученые, мудрые люди, веками сидящие в башне из слоновой кости, а политикам приходится принимать решения немедленно, сейчас, завтра, послезавтра. И предвидеть, как в шахматах, хотя бы на три хода вперед. В этом нам очень помогла наша сегодняшняя дискуссия, и поможет впредь. Она поможет осознать главное — что эта борьба цивилизаций заставляет нас искать самих себя, собственные корни, опору в нынешней ситуации. Но происходит и борьба человечества с искусственным интеллектом — кто выживет. Если мы не найдем точек пересечения, не построим редуты, не найдем способов управления ситуацией, то возможна катастрофа. Тень этой катастрофы сегодня нависла и над человечеством в целом — об этом нас предупреждают не только политики, но и ученые, — и над нашей страной, которая опять оказалась в состоянии войны. Поэтому мы вынуждены искать союзников и способы объединить,

консолидировать общество. И здесь нам тоже нужны ваша помощь и советы, для нас важны диалог и дискуссия. Конечно, власть может выбрать удобную ей позицию, опереться на нее и большевистским наскоком внести во все нормативные документы. И кто не с нами, тот против нас, и начнется то, что в России уже было и чего мы искренне боимся. Поэтому для нас чрезвычайно важно сегодня выслушать все точки зрения. Необходимо, чтобы вы вступили в диалог между собой и искали истину. Нам нужна точка опоры, которая находилась бы в точке пересечения интересов, в точке истины.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В заключение дискуссии выступит профессор Елена Сергеевна Протанская.

Е. С. ПРОТАНСКАЯ: — Моя тема была «Культура памяти и культура забвения в эпоху перемен как фактор сохранения единства нации». И мне кажется, что мы, как никакой другой народ, много раз переживали эпохи перемен, и каждый раз нужно было что-то забыть, а что-то вспомнить. Сегодня наша тема в значительной степени перекликается с результатами проекта проверки ценностей, в которых выявилось, что главные ценности, которые признаются на всех континентах, это ценность доверия и ценность ответственности. Мы создали «Этнокалендарь Санкт-Петербурга» — это календарь

памятных дат, праздников, культурных традиций жителей Санкт-Петербурга. Его смысл в том, чтобы отмечать даты разных конфессий, представители которых живут в городе, события, которые важны. И мы, много лет выпуская этот календарь, убедились в том, что у всех народов существуют общие ценности. Все празднуют Новый год в семейном кругу. Все отмечают завершение каких-то крупных событий, скажем, посевной и т. д. Ценности присутствуют у разных народов. И чем больше мы знаем об этих ценностях, об этих традициях, тем плодотворнее наши взаимоотношения.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы ищем какую-то общую идею, которая нас всех объединяет и позволяет самоопределиться в цивилизационном смысле. И надо найти такую идею, идеологию, мировоззрение, культурный код, объединяющий нашу страну и нашу цивилизацию, чтобы в итоге он сам не стал источником раскола и разъединения. Мне кажется, этой опасности нужно избегать, и ее нужно иметь в виду политикам, которые представляют от нашего имени. Они просят, чтобы мы дали какие-то рекомендации. Правильно, мы обязаны это сделать, это наш долг. И мы хотим объективно и научно представить мнения по этому вопросу, но они неизбежно будут разными. Но как бы то ни было, все равно ответственность останется на вас, потому что вы будете выбирать из этого.